

(CTh. X. 19.7), направленный против беглых горняков, были усугублены вторжением готов. Они привели даже к бегству с рудников административного персонала (прокураторов рудников), о принудительном возвращении которых говорит декрет 386 г. (Ibid. I. 32.5; см. также: Ammianus Marcellinus. XXXI. 6).

²⁷ Декрет Галерия от 311 г. о прекращении гонений на христиан привел к освобождению многих осужденных от работы на рудниках (см.: *Historia Ecclesiastica*. Leipzig, 1890). В 400 г. всеобщую амнистию *damnati ad metalla* объявил Гонорий.

²⁸ См.: Rostowzew M. *Gesellschaft und Wirtschaft in römischen Kaiserreich*. Leipzig, 1934. Bd. 2. S. 59.

²⁹ CTh. X. 19.5, 6, 7, 9, 15; о возвращении беглецов см. также: Ibid. X. 20.15 (CJ. XI. 7.13); Ibid. X. 20.17 (CJ. XI. 7.15).

О. Р. БОРОДИН
Институт всеобщей истории АН СССР

ГРЕКО-ВОСТОЧНАЯ ДИАСПОРА В РАВЕННСКОМ ЭКЗАРХАТЕ И ПЕНТАПОЛЕ

Присутствие в Равеннском экзархате и Пентаполе на всем протяжении византийского господства лиц греческого и восточного происхождения бесспорно. В то же время попытки установить их квоту в составе всего населения региона, выявить динамику ее изменения наталкиваются на препятствия, связанные с состоянием источников. Хотя мы встречаем непосредственные указания в документах на этническое происхождение некоторых лиц, этих немногочисленных и случайных упоминаний совершенно недостаточно для статистических выкладок. Антропонимические исследования проводятся, но их надежность часто вызывает сомнения у специалистов.

Французский византист А. Гийу извлек из равеннских документальных источников 150 имен людей, живших в экзархате с 80-х гг. VI до середины VIII в. Проведенные им подсчеты дали следующий результат: в конце VI в. среди носителей этих имен было 50 % с латинскими именами, 43 % — с восточными, 7 % — с готскими; в конце VII — начале VIII в. соответственно 45 % — с латинскими, 50 % — с восточными, 5 % — с готскими. По данным А. Гийу, до возникновения Равеннского экзархата среди населения этой зоны было 70 % носителей латинских, 16 % восточных, 14 % готских имен¹. Исследователь делает вывод о резком увеличении количества греков и выходцев с Востока среди населения Италии вскоре после византийского завоевания.

Т. С. Браун в своей недавней монографии о господствующем слое населения византийской Италии резко критикует методику А. Гийу². Он указывает, что общее количество и хронологическое распределение использованных А. Гийу документов не отвечают требованиям статистического анализа. Момент образо-

вания Равеннского экзархата не может считаться рубежом в истории демографических процессов. Результаты А. Гийу противоречат эпиграфическим данным, так как, если от IV—VI вв. до нас дошло немало несомненных греческих и восточных погребений в Северо-Восточной Италии, то в византийский период их число резко снижается. Наконец, сами имена, которые рассматривал А. Гийу, далеко не всегда могут свидетельствовать об этнической принадлежности их носителей. В ряде случаев они относятся к общей греко-латинской христианской номенклатуре (Leontius, Petrus, Stephanus, Marinus, Iohannes et al.). В других ситуациях реальные жизненные факты даже противоречат данным антропониимики: в двух равеннских папирусах 539 и 591 гг. свидетели сделок с чисто римскими именами — Julianus и Pacificus — подписывались греческими литеррами, т. е. наверняка не были римлянами (Tjäder. 30, 37)³.

К этим весьма серьезным доводам английского исследователя можно добавить и иные. Состав известных нам равеннских документов предопределяет «социологическую тенденцию» сохранившейся топонимики: громадное большинство имен принадлежит горожанам; среди них большая часть — представителям высших, обеспеченных слоев населения города — военным, чиновникам, земельным посессорам, купцам, священнослужителям; в свою очередь в их числе преобладают лица, имеющие публичные обязанности, находящиеся на государственной службе. Сама антропониимика за 200 лет византийского владычества могла подвергаться разнообразным колебаниям, как в целом, так и в отдельных социальных группах. Весьма вероятно, например, мода на греческие имена, особенно среди служилой части местного господствующего класса. Подобные и иные антропониимические инфильтрации предельно облегчались в тех случаях, когда даваемые детям имена освящались авторитетом Писания, предания или агиографии.

Однако все сказанное еще не дает права полностью отвергнуть данные А. Гийу. В конечном, цифровом виде они не могут быть точны, и при этом даже примерно определить погрешность пока невозможно. Видимо, в условиях недостаточной точности методики подсчета колебания в пределах 5 % (ср. показатели количества греческих и латинских имен в конце VI и в конце VII в.) можно не учитывать. Но вряд ли случайным может быть изменение от 16 % греческих и восточных имен в довизантийское время к 43 % в эпоху Равеннского экзархата. Этот показатель отражает объективную тенденцию этнического развития. Собственно, выкладки А. Гийу показывают, что в последней четверти VI в. процент греков, живших в Италии, резко возрастает, а затем остается почти стабильным на протяжении всего VII в. Существуют ли за пределами сферы антропониимики основания для того, чтобы отнестись с доверием к данному выводу?

Увеличение численности греческого и восточного населения в Равеннском экзархате к концу VI в. может быть связано со следующими процессами: 1) периодическими посылками в Италию новых воинских контингентов из Византии; 2) становлением административной системы Равеннского экзархата и назначением на ключевые должности в Италию чиновников-греков; 3) укреплением торговых связей с Востоком и численным ростом греко-восточных торговых колоний в городах Италии; 4) распространением в Италии греческих церквей и василианских монастырей, притоком духовных лиц из Греции и с Востока; 5) облегчением (в рамках единой империи) всех видов обычных контактов между Италией и собственно Византией, проявляющихся, в частности, в приездах в Италию греческих специалистов — врачей, юристов, художников и т. д.

Обратимся к фактам. В последней четверти VI в. в Италию трижды посылались войска из Византии (575, 579, 591)⁴. Они были укомплектованы во всяком случае не италийцами, в основном — греками и выходцами с Востока. В числе номеров местного происхождения, находившихся в эти годы в Италии, известны *numerus felicum Theodosiacus*⁵, *numerus felicum Persoarmeniacus* (CIL. XI.1591), *numerus Sermisianus* (от Сирмия на Дунае) (Tjäder. 17, 18—19), *numerus equitum Persojustinianorum*⁶, *numerus Dacorum* (Tjäder. 18—19), возможно, *numerus Constantinopolitanus*⁷. В числе воинов этих и других соединений, размещенных в Италии, мы знаем множество людей, носивших, несомненно, греческие или восточные имена, в том числе греков: *Agatho, Perusinatorum dux*, 737 г. (Paul. Diac. Hist. Lang. VI.54); *Anastasius, miles bandi primi*, Равенна, конец VII в.⁸; *Basilius, dux*, Рим, 725 г. (Lib. Pont. P. 403); *Christopherus, dux*, Рим, начало VIII в. (Ibid. P. 392); *Cosmas, dux*, Неаполь, 671—673 гг.⁹; *Eleutherius, magister militum*, Сенигалия, середина VIII в.¹⁰; *Georgius, magister militum*, Равенна, около 600 г. (Tjäder. 16); *Georgius, optio numeri Sermisiani*, Рим, начало VII в. (Tjäder. 17); *Sissinius, magister militum*, 575 г. (Greg. Tur. IV. 44); *Theocristus, dux*, Неаполь, 685 г.¹¹; *Theodoracis, ex-criba numeri Arminiorum*, Равенна 639 г. (Tjäder. 22); *Theodosius, tribunus et dativus*, Римини, конец VII в.¹²; *Theophanus, comes*, Чивиттавеккья, конец VI в.¹³; *Zemarchus, tribunus*, Чивиттавеккья, 590 г. (Greg. Magn. Ep. I. 3); *Zimarchus, primicerius numeri*, Градо около 580 г. (CIL. V. 1614) et al.; армяне *Tzitas, miles* (Tjäder. 22), другой *Tzitas, comes et tribunus* (CIL. V. 7793), *Bahan, magister militum* (Greg. Magn. Ep. IX. 99).

Следует отметить, что и в эпоху Поздней Римской империи среди воинов, служивших в Италии, имелись греки или выходцы с Востока, причем особенно много — на северо-востоке страны в Циспаданской Галлии. Многие из них, так называемые *classiarii*, — матросы военного флота, базировавшегося в Класисе близ Равенны. До нас дошли надписи, фиксирующие их

статус: T. Gaius Eminens vet(eranus) Cl(assis) pr(aetoriae) R(avennatis) n(atione) Syr(us) (CIL. XI.352); Vet(eranus) ex naup(hilace) Cl(assis) pr(aetoriae) Rav(ennatis) L. Baebius Silvianus n(atione) Syrus (Ibid. 198 a); mil(es) ex C(lasse) p(raetoria) R(avennati) C. Trebonius Lupus n(atione) (B)essu(s), т.е. фракиец (Ibid. 103). В других случаях принадлежность этих людей к флоту не зафиксирована в надписях, хотя и весьма вероятно (по месту захоронения — в некрополе Классиса среди погребений классиариев) (Ibid. 38, 50, 42). Иногда, напротив, упоминаются воины сухопутной армии (таков М. Furnius Alexander, nat(ione) Gr(aecus), погребение которого находится близ Равенны (Ibid. 60). Возможно, какая-то часть потомков этих моряков и солдат продолжала жить в Италии при остготах, дождалась прихода византийцев и поступила на военную службу. Но, конечно, не они составили основу греческого контингента в византийской армии на Апеннингах. Главный аргумент против подобного предположения — передислокация в Италию целых соединений — нумеров в их полном составе¹⁴.

На всем протяжении истории Равеннского экзархата высшие чиновники, персонально назначавшиеся сюда императором, как правило, были греками и приезжали из Византии. Лишь один из экзархов — Феодор Каллиопа (впрочем, тоже грек) был, видимо, родом из Италии, так как его отец владел земельным имением вблизи Равенны (Tjäder. 36). Прочие чиновники разных рангов весьма часто носят греческие имена, например: Acathophronius, praefectus praetorio Italiae, VII в.¹⁵; Agatho, scriniarius, Рим, конец VII в. (Lib. Pont. P. 505); Antiochus, praefectus praetorio Italiae, середина VI в. (Agathias. I, 18); Chrisogonus, cancellarius, Рим, начало VII в. (Tjäder. 18—19 B); Eusebius, adiutor in scrinio canonum, Равенна, вторая половина VII в. (Ibid. 36); Procopius, consiliarius, Равенна, начало VII в. (Ibid.); Scolasticus, iudex, Кампания, 592 г. (Greg. Magn. Ep. III. 1, 2, 15); Theodosius, tabellio, Рим, начало VII в. (Tjäder. 18—19) et al. Поскольку случаи, антропонимически сомнительные, не берутся здесь в расчет, можно полагать, что если не все, то подавляющее большинство носителей перечисленных (и ряда других) греческих по происхождению имен — этнические греки. Проникновение такой антропонимики в источники начинается со времени византийского завоевания Италии, что вполне естественно.

В первые десятилетия византийской власти на Апеннингах мы встречаем в Равенне и в других городах экзархата греческих и восточных купцов. Это шелкоторговцы (Georgius, Theodolus) (Tjäder. 4—5), навклиры (Stephanus из Градо) (CIL. V. 1606), аргентарии (Ammonius, Georgius, Theodorus) (Tjäder. 4—5), купцы неизвестной специализации (Jannes, сирийский торговец, подписавший по-гречески договор о продаже земли в 591 г.) (Tjäder. 37). У нас нет оснований утверждать, что все

эти люди поселились в византийской Италии после прихода греков, тем более что наличие в Равенне греко-восточной диаспоры в римскую эпоху не вызывает сомнений. Известно, что здесь жили выходцы из Сирии, Египта, Киликии и т. д.¹⁶ (правда, среди них мы не можем назвать наверняка ни одного купца). Единственное довизантийское упоминание о восточных купцах в Равенне относится ко времени Готской войны (539). В этом году одну из сделок в равеннской курии засвидетельствовал греческими литерами *Julianus argentarius, gener Iohannis pimentarii* (Tjäder. 30). Если считать, что отец этого Юлиана, торговец специями (*pimentarius*) Иоанн, также проживал в Равенне, то перед нами свидетельство пребывания здесь восточных купцов в остготскую эпоху. Исключать такую возможность нельзя¹⁷. Вспомним, однако, что вторая половина VI в. — время расцвета торговли Византии и Италии, в том числе и торговли восточными товарами¹⁸. Именно в этот период интенсивное денежное обращение, а также необходимость финансировать крупнейшие строительные проекты требовали услуг аргентариев. И не случайно поэтому сведения о греческих и сирийских купцах в Северо-Восточной Италии концентрируются в этом временном диапазоне. Большинство из них поселились в Равенне после установления византийской власти. Они образовали достаточно компактную группу богатейших торговцев, составив большинство в корпорации шелкоторговцев (среди них мы не знаем в Равенне ни одного купца-италийца)¹⁹, а возможно, и аргентариев (в византийское время известен лишь один аргентарий с латинским именем: *Vitalius*) (Ibid. 4—5). В то же время среди торговцев менее престижных профессий мы встречаем в основном италийцев. Этнические метаморфозы затронули, по всей вероятности, лишь высший, богатейший слой купечества Италии.

В структуре торгово-ремесленного населения региона заметную роль играли и еврейские общины. Они известны с римского времени во многих городах Северо-Восточной Италии (в Поле, Аквилее, Тергесте, Градо, Вероне, Бриксии, Болонье)²⁰. В Равенне же в V—VI вв. евреев было особенно много. По всей видимости, рост их численности связан с переносом в Равенну императорской резиденции, в связи с чем возросло и торгово-ремесленное значение города. В V в. Равеннский епископ Петр Хрисолог систематически выступает в своих проповедях против иудеев²¹. О столкновениях между христианами-ортодоксами и иудеями в готскую эпоху сообщает Вalezianский Аноним, прямо отмечающий многочисленность синагог в Равенне²². Однако среди евреев встречались и христиане, даже духовные лица (например, диакон *Gazeus* из Градо, известный по надписи) (CIL.V.1587). Возможно, отказ от иудаизма был необходимым условием приобретения почетных званий купцами-евреями (засвидетельствованы *vir strenuus Danihel* (Tjäder. 32); *vir hone-*

stus Isacius) (Ibid. 33). Сохранился документ о приобретении в июне 541 г. участка земли равеннским сапонарием (мылоторговцем) евреем Исакием (Ibid. 33). Таким образом, общая тенденция, характерная для зажиточных граждан Италии в VI—VIII вв., — стремление к приобретению земельной собственности — не миновала и еврейское население. Среди еврейских коммерсантов в Равенне встречались люди сказочно богатые, такие как знаменитый аргентарий Юлиан, на средства которого возводились прославленные равеннские базилики²³. Есть сведения о деятельности еврейских купцов в других городах византийской Италии (в том числе работорговце из Неаполя, 599 г.) (Greg. Magn. Ep. IX.104). Византийское завоевание Италии привело к распространению на местных иудеев дискриминационных статей императорского законодательства. В остальном же положение еврейского купечества кардинально не изменилось. Однако мы вправе предполагать, что в VII—VIII вв. еврейские общины в византийской Италии вступили в полосу упадка, так как известий о них в эти годы почти нет. Причины данного явления, видимо, носят общий, а не специальный характер; их следует искать в дезурбанизационных процессах, охвативших итальянские города и тяжело сказавшихся на положении торгово-ремесленного населения.

Греческие культовые учреждения, греческое и восточное духовенство имели в византийскую эпоху весьма прочные позиции в Италии. Большой материал, иллюстрирующий это положение, собран Ш. Дилем²⁴. В Равенне находились монастыри «василианского устава»: св. Духа, св. Марии in Cosmedin, св. Марии Влахернской, в Цезарее — св. Лаврентия. Около 680 г. экзарх Феодор основал в городе греческий монастырь св. Феодора (Agnellus. P. 119). Лишь после падения Равеннского экзархата большая часть этих монастырей была передана латинским монахам-бенедиктинцам. В Риме были известны греческие монастыри св. Анастасия ad aquas Salvas, св. Саввы на Авентине, св. Лавра, св. Эразма, два армянских монастыря (св. Андрея и так называемый Renati), сирийский монастырь (Lib. Pont. P. 138). Среди временных восточных иммигрантов в Италии были влиятельные духовные персоны константинопольский патриарх Пирр и антиохийский патриарх Анастасий Синаит.

Восточное духовенство было достаточно авторитетно для того, чтобы возводить своих представителей (чаще всего при поддержке Константинополя) на епископские кафедры и на папский престол (папы-греки: Бонифаций III, Иоанн IV, Феодор, Конон, Агафон, Иоанн VI, Иоанн VII; папы-сирийцы: Иоанн V, Сергей, Сисинний, Константин). На Латеранском соборе 649 г. большая группа греческих духовных лиц, «годами проживавших в Риме», подала папе Мартину I специальную петицию, где, в частности, просила перевести решения собора на греческий язык²⁵.

В Италии почитались греческие святые, их мощи специально доставлялись из Византии в Рим (папами Пелагием II и Григорием Великим) и в Равенну (архиепископом Максимианом). В Равенне действовали церкви, освященные в честь греческих святых,—Деметрия, Георгия, Сергия, Зенона; в Риме—Евфимия, Василия, Мины, Космы, Фоки, Прокопия, Панталеона, Тигриса, Николая Мирского и др. Множество таких церквей было и в других городах Италии. Своеобразие греческой церковной иммиграции в том, что она пережила как бы две волны. Первая пришлась на вторую половину VI в. и объяснялась теми же причинами, что и светская иммиграция. Вторая волна была вызвана принятием в Византии иконоборческих эдиктов, когда в Италию хлынули византийские иконопочитатели. Папы Григорий III и Павел I вынуждены были открыть в Риме новые василианские монастыри (св. Хрисогона, святых Стефана и Сильвестра) (Lib. Pont. P. 260, 272). Важно подчеркнуть, что если первая иммиграция во многом проявляла себя как опора византийского влияния в стране, то вторая, иконопочитательская, не являлась таковой по крайней мере до конца иконоборчества.

Следует коснуться еще одного иммиграционного потока, направленного из Византии в Италию,—иммиграции интеллектуалов. Возникновение в Италии юридических школ должно было привлечь сюда в VI в. профессиональных юристов из Византии. Косвенным свидетельством их пребывания в стране является распространение на Апеннингах парафраза *Corpus juris civilis*, в большинстве своем наверняка созданных в Италии (имеются в виду такие памятники, как Эпитома Юлиана, «Authenticum», Перуджанская сумма, Туринская глосса и др.). Среди профессиональных юристов (*scholastici*), упоминаемых в источниках, есть лица, носящие греческие имена: Matheus (Greg. Magn. Ep. IX. 136), Eugenēs (Ibid. XIV. 14).

Установление государственного жалованья для грамматиков и риториков²⁶ должно было привлечь в Италию греческих учителей. Одного такого специалиста мы знаем по источникам. Это Theodosius, magister literarum, засвидетельствовавший в равеннской курии в 575 г. завещание некоего Маннана (Tjäderg. 6).

В городах Италии работало немало греческих врачей. Все известные по источникам медики, жившие в VI—VIII вв. в Италии, носят эллинские или общехристианские имена, и, конечно, в большинстве являются греками. Среди них служивший в Равенне Leontius, medicus ab schola Graeca, сын которого Eugenius стал крупным чиновником византийского налогового ведомства (*palatinus sacrarum largitionum*) (Ibid. 35). Напомним, что *schola Graeca*, по предположению З. В. Удальцовой, представляла собой особую корпорацию врачей-эллинов²⁷. В начале VII в. в Италии жил такой выдающийся византийский врач, как Александр Тралльский (ум. в Риме в 605 г.). При

этом он был, конечно, не единственным крупным деятелем византийской культуры, проживавшим на Апеннинах. Так, в Риме закончил свой жизненный путь знаменитый агиограф и путешественник Иоанн Мосх (ум. в 619 г.)²⁸. Трудно оценить масштабы «интеллектуальной» иммиграции греков в Италию, но сам факт ее существования во второй половине VI — начале VII в. необходимо признать.

Серьезные изменения в этнической ситуации на полуострове происходят на втором этапе византийского владычества. К сожалению, из-за недостатка прямых свидетельств судить о них приходится часто исходя из общих сведений о социальной эволюции региона и даже просто *ab silentio*. Однако основная тенденция процесса выявляется достаточно определенно. Выделим следующие явления:

- с начала VII в. империя ни разу не направляла в Северную или Среднюю Италию воинские контингенты. Византийские власти на Апеннинах были вынуждены приступить к формированию войска на местной основе;

- в эти же десятилетия только некоторые высшие представители администрации (прежде всего экзархи) назначаются в Италию из Византии. В целом чиновничий аппарат также воспроизводится и пополняется на месте;

- со страниц источников исчезают сведения о восточных и греческих купцах. Упадок торговли лишает их возможности применить свои капиталы и деловые способности в Италии;

- происходит социально-экономическая натурализация византийских социальных элементов в стране. Значительная часть их включается в местную землевладельческую элиту²⁹.

Перечисленные обстоятельства неизбежно влекут за собой утрату живущими в Италии греками и другими иммигрантами оригинального этнического лица. В VII—VIII вв. греческие чиновники и офицеры (*Anastasius comes*, *Anatholius tribunus*, *Basilius magister militum*, *Eleutherius magister militum*, *Eustachius dux*, *Philacarus comes*, *Theodotus dux et al.*)³⁰ являются такими же итальянскими земельными собственниками, как тысячи других лиц, носивших латинские имена.

Носителей греческих имен в Италии не становится меньше. Видимо, этнические эллины, жившие здесь, продолжали давать детям греческие имена. Однако вряд ли за этим стояло нечто большее, чем традиция. Обратим внимание, что если во второй половине VI — начале VII в. в византийском войске было немало носителей армянских имен, то в VII в. они исчезают. В чем здесь дело? В том, что вырванные из своей среды, натурализовавшиеся в Италии армяне, восприняв местную культуру, перестали давать детям традиционные имена. Тем же процессом натурализации были охвачены и греки. Имена они сохранили благодаря их соответствию общехристианской номенклатуре и наличию в Италии греческих церквей и монастырей, где многие

из них крестили детей. Но сохранили ли они более существенные этнические черты, в первую очередь язык? В VI — начале VII в. некоторые деловые документы подписываются в равеннской курии по-латыни, но греческими литерами (Tjäder. 6, 16, 18—19, 20, 30, 36, 37). Эти подписи оставили люди, получившие греческое образование, которые, проживая в Италии, научились говорить по-латыни, но не знали латинской грамоты³¹. В более поздний период мы таких случаев не знаем. Житель Италии мог, видимо, получить греческое образование в некоторых монастырях (преимущественно в Риме, Неаполе, на Юге), но светские люди, в том числе и этнические греки, уже не владели, как правило, эллинской письменностью.

Очень показателен в этом плане эпизод, случившийся в Равенне в 80-х гг. VII в. Равеннский экзарх Феодор подыскивал себе грамотного нотариуса. Он уже отчаялся найти подходящего человека среди местных жителей, когда ему порекомендовали молодого равеннца по имени Иоанниций. Пригласив его к себе, экзарх вручил ему послание, пришедшее из Константинополя, и приказал: «Читай!» Иоанниций спросил: «Велишь ли, господин, читать по-гречески, как писано, или по-латыни?» Экзарх удивился такому ответу и, чтобы испытать юношу, предложил ему другой, латинский текст и велел сразу читать по-гречески. Иоанниций с блеском справился с переводом. Радости экзарха, нашедшего такого блестящего нотариуса, не было границ. Впрочем, вскоре уже в Константинополе удивились тому, что из Равенны вдруг пришла грамотно написанная корреспонденция, и Иоанниций был вызван для работы в столицу (Agnellus. P. 356—357). История Иоанниция показывает, что в конце VII в. в Равенне было почти невозможно найти человека, умевшего читать и по-гречески, и по-латыни. Если в окружении экзарха и имелись приехавшие из Византии греки, то они не подходили для канцелярской работы из-за плохого знания латинского языка. Местные же греки в нотариате негодились. Видимо, они в большинстве своем не умели читать и писать на родном языке.

Греческая этническая специфика и даже этнические предубеждения могли сохраняться в отдельных сферах быта, особенно связанных с религией: у тех, кто продолжал посещать греческое богослужение. Эти люди продолжали осознавать себя греками и помнили родной язык, хотя и не владели эллинской письменной культурой. Созданное в Равенне в VII в. «Мученичество Св. Аполлинария» сохранило рассказ о византийском трибуне, служившем в Италии, который разрешил больной жене поклониться с целью исцеления мощам Аполлинария, только установив, что последний был греком³². Но наличие в Италии немногочисленных высокопоставленных греков, не только этнически «полноценных», но даже антилатински настроенных, не меняло общей тенденции — постепенного размывания греко-восточной этнической прослойки в Италии.

Насколько специфическим в этом плане было положение Северо-Восточной Италии: Равеннского экзархата и Пентаполя? Как уже указывалось, здесь имелась значительная группа греческого духовенства. Она была достаточно влиятельна, чтобы выдвигать из своей среды равеннских архиепископов. В течение VII—первой половины VIII в. она, по-видимому, численно не уменьшилась, хотя и не выросла, как в Риме: преследуемые в Византии иконопочитатели с 30-х гг. VIII в. стремились в Южную Италию и в Рим, а не в официозную Равенну, под копыя наступающих лангобардов. Греческая церковная фракция в Равенне оказалась в силах уже после падения экзархата, при архиепископе Сергии (748—771), направлять политику архиепископии (впрочем, хотя и антипапскую, но не провизантийскую)³³.

В Равенне находился двор экзарха, в окружении которого имелись греки. Равенна, Градо, Римини и другие порты Северо-Восточной Италии были теснее, чем города западного побережья, связаны торговыми узами с Константинополем и Левантом. Можно отметить более высокий уровень эллинизации в Равеннском экзархате, чем в Римском дукате или в Кампании. Греческое влияние проникло в местный диалект латыни, в котором выявлены лексические и фонетические эллинизмы³⁴. Нам известно из «Мученичества св. Аполлинария», что и в VII в. часть равеннского населения была восточного происхождения, и коренные итальянцы называли этих людей «Asiani». Все эти факторы должны были тормозить процесс деэллинизации Равеннского экзархата, но остановить его все-таки не могли. Решительность, с которой население Равенны боролось против империи в ходе восстания 710—711 гг., а затем в 30-е гг. VIII в., — дополнительный довод в пользу тезиса о натурализации большинства живших в экзархате греков. Отметим, что вождь равеннского восстания Георгий носил греческое имя и был сыном упоминавшегося равеннского «эллиниста» нотариуса Иоанниция. Их потомок — равеннский хронист Агнелл — служил в IX в. настоятелем в монастыре св. Марии ad Vlachernas — дочернем по отношению к одноименному константинопольскому. Очевидно, перед нами греческая по происхождению семья. Как же выразительно звучит в устах ее представителя Георгия призыв уберечь Равенну от «змей, приплывшей сюда морем из Византии!» (Agnellus. P. 369). Это проявление особой социально-психологической тенденции — процесса утраты итальянскими греками византийского этно-политического самосознания. Данную тенденцию нельзя, конечно, считать всеобщей. Известно, что в Равенне нашлись люди, поддержавшие иконоборческую политику императора Льва III Исавра (Lib. Pont. P. 184). Вероятно, это были в основном греки, а не коренные итальянцы. Но их немногочисленность обусловила ту легкость и естественность, с которой Равенна вместе со всей Италией выступила против

Константинополя в 30-е гг. VIII в. В этом смысле демографическая эволюция Равеннского экзархата совпадала по направлению с его социально-политической эволюцией: формально оставаясь в составе Византийской империи, экзархат развивался как неотъемлемая часть Италии.

¹ См.: **Guillou A.** Régionalisme et indépendance dans l'empire Byzantin au VIIe siècle. L'exemple de l'exarchat de la Pentapole d'Italie. Roma, 1969. P. 79—95.

² См.: **Brown T. S.** Gentleman and Officers: Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy. A. D. 554—800. Rome, 1984. P. 67—68.

³ Здесь и далее ссылки на документы, изданные Я.-О. Чедером, даются в тексте, причем цифра после фамилии издателя обозначает порядковый номер памятника по его публикации.

⁴ *Iohannis Biclaensis Chronicon* // Migne. PL. T. 72. Col. 865; *Menandri Protectoris fragmenta*. Bonnae, 1829. P. 331—332. Fr. 49; *Georgius Cedrenus. Synopsis istorion* / Ed. J. Bekker. Bonnae, 1838. P. 695.

⁵ По предположению А. Гийу — от названия г. Феодосии в Крыму.

⁶ См.: **Hoffman D.** Der «Numerus Equitum Persojustinianorum» auf einer Mosaik — Inschrift von Sant'Eufemia in Grado // *Aquileia Nostra*. 1963. T. 34. P. 81—98.

⁷ Впервые упомянут в ходе восстания в Равенне в 710—711 г. См.: *Agnellus*. P. 336.

⁸ См.: **Tjäder J.-O.** Il nuovo papiro ravennate dell'VIII secolo a Belluno e il papiro Marini CXI // *Bulletino dell'Archivio Paleografico italiano*. NS. 1956—1957. II — III. Pars 2. P. 350—351.

⁹ См.: *Chronicon ducum et principum* // *Monumenta ad Neapolitani ducatus historiam pertinentia* / Ed. B. Capasso. Napoli, 1881. Vol. 1. P. 7.

¹⁰ См.: *Codex traditionum ecclesiae Ravennatis nunc Monachii asservatus* / Ed. J. Bernhardt. München, 1810. Doc. Nr. 49 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием порядкового номера документа).

¹¹ См.: *Chronicon ducum et principum*. P. 36—39.

¹² См.: *Codex traditionum...* Doc. Nr. 33.

¹³ См.: *Gregorii Homiliae in Evangelium*. XXXVI. 13 // Migne. PL. T. 76.

¹⁴ См.: **Бородин О. Р.** Эволюция войска в византийской Италии в VI—VIII вв.: (Военно-организационный аспект) // *ВВ*. 1986. Т. 46. С. 126.

¹⁵ См.: **Laurent V.** Les Sceaux Byzantins du Médaillier Vatican // *Città di Vaticano*, 1962. Nr. 104.

¹⁶ См.: **Ruggini L. C.** Ebrei e orientali nell'Italia settentrionale fra il IVe — VIe secolo d. Cr // *Studia et Documenta Historiae et Juris*. Roma, 1959. T. 25. P. 252—254.

¹⁷ Не итальянцем, быть может, был и другой равеннский аргентарий — Павел, составивший подпись под документом 540 г. (Tjäder. 31).

¹⁸ См. об этом: **Бородин О. Р.** Равеннский экзархат и Декаполь (середина VI — середина VIII в.). Проблемы социально-экономического и политического развития: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

¹⁹ Впрочем, в Риме в конце VII в. жил шелкоторговец (siricarius) с латинским именем Catellus (См.: **Brown T. S.** Gentleman... P. 255).

²⁰ См.: **Ruggini L. C.** Ebrei e orientali... P. 215.

²¹ См.: **Böhmer F.** Petrus Chrisologus als Prediger. Paderborn, 1919. S. 4.

²² См.: *Anon. Val.* 2. 81—82 // *Archivio muratoriano*. Roma, 1922. P. 11—24.

²³ См.: **Bovini G.** Giuliano l'argentario: Il munifico fondatore di chiese ravennati // *Felix Ravenna*. 1910. 4. ser. (CI). P. 125—150.

²⁴ См.: **Diehl Ch.** Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568—751). P., 1888. P. 251—266.

²⁵ См.: *Conciliorum collectio maxima* / Ed. Labbe. Venetia, 1729. T. 6. P. 112.

²⁶ См.: *Constitutio Pragmatica*. § 22 // CJC. B., 1899. Т. 3. Col. 798 sq.

²⁷ См.: **Удальцова З. В.** Италия и Византия в VI в. М., 1959. С. 479.

²⁸ См.: **Photius**. *Bibliothèque* / Ed. P. Henry. P., 1962. Т. 3. P. 97.

²⁹ Названные социальные процессы хорошо изучены. См.: **Hartmann L. M.** *Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—750)*. Leipzig, 1889. См. также монографии Ш. Диля, А. Гийу, Т. С. Брауна и диссертацию автора данной статьи.

³⁰ Греки выделены из списка земельных собственников, приведенного в книге Т. С. Брауна (См.: **Brown T. S.** *Gentleman...* P. 101).

³¹ Впрочем, и говорить по-латыни эти лица, видимо, умели не всегда. Встречающиеся в текстах нелепые буквосочетания вроде «oyeici» в смысле «huic» (Tjäder. 20), «estormentis» в смысле «instrumentis» (Tjäder. 24) и т. д. заставляют подозревать, что свидетели-греки бездумно воспроизводили под диктовку юридическую формулу, не понимая значения многих слов.

³² **Passio S. Apollenaris** // *Acta Sanctorum*. Jul., Anvers, 1727. Т. 5. P. 345.

³³ См.: **Bertolini O.** *Sergio arcivescovo di Ravenna (744—769) e i papi del suo tempo* // *Studi Romagnoli*. Faenza. Vol. 1. P. 43—88.

³⁴ См.: **Carlton Ch. M.** *A Linguistic Analysis of a Collection of Late Latin Documents Composed in Ravenna between A. D. 445—700. A Quantitative Approach*. Hague; Paris, 1973. P. 227—228.

Л. А. ГОЛОФАСТ

Херсонесский историко-археологический заповедник

АМФОРИСКИ ИЗ РАСКОПОК РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Одним из наиболее интересных вопросов, связанных с историей Херсона V—VII вв., является вопрос об участии города в системе византийской торговли. Некоторое представление о направлении экономических связей города и ассортименте ввозимых и вывозимых товаров дают крайне малочисленные для данного периода письменные источники. Так, Иордан в «*Getica*», написанной около 551 г., говорит о ввозимых в город «богатствах Азии»¹. Папа Мартин, находившийся в Херсоне с мая 655 по апрель 656 г., в своих письмах указывает на вывоз из города соли, добывавшейся в расположенных недалеко соляных озерах, и отмечает зависимость его благосостояния от доставки сюда хлеба «из пределов Романии»².

При незначительной информативности письменных источников первостепенное значение приобретает изучение различных групп археологического материала, дающее возможность конкретизировать направление торговых связей Херсона, определить степень их интенсивности и ассортимент импортируемых товаров. К числу находок, позволяющих установить конкретные районы, с которыми Херсон поддерживал экономические связи, принадлежит небольшая коллекция амфорисков, собранная во время многолетних раскопок Херсонесского городища. Коллекция насчитывает 38 сосудов, за небольшим исключением³ до сих пор не опубликованных. Обзор данной группы археологи-